

ношений между двумя классами мужчин и женщин) ставить перед собой задачу всестороннего описания данного явления на фоне всей культуры [Malinowski 1932 : xxxiii].

Наблюдения над «тем, что существует, как это работает и что означает для самих носителей культуры», могут быть связаны между собой воедино только в процессе полевой работы. Сравнения и реконструкции Малиновский считает возможными, но уже в кабинетных условиях, в качестве следующего этапа работы [Malinowski 1932 : xxxi]. Последнее замечание, сделанное почти мимоходом, вероятно в силу сосредоточенности на решении основной задачи создания метода целостного описания отдельной культуры («полной реальности культуры, работающей на полном ходу»), оказывается в тени высказываний, касающихся правил полевой работы, поэтому впоследствии функционализм вообще стал восприниматься как запрет на теорию. Эрнест Геллнер однажды заметил, что функциональный метод Малиновского — это культ полевой работы [Gellner 1970 : vi]. В конечном счете это привело к прямо противоположному результату — не только к утрате вкуса к теоретическим исследованиям, но и к вырождению полевых исследований в этнографии. Эдмунд Лич называл поздний период функционализма «коллекционированием этнографических бабочек», усматривая в этом причину популярности структурализма Леви-Стросса. Последний верно уловил слабое место функционализма, указывая на «постоянно присутствующую в его работах мысль о том, что на основании эмпирических исследований одного общества можно получить универсальные утверждения [Леви-Строс 1983 : 21]. Но в этом и состоит, если так можно выразиться, невидимое «основоположение» постмодернизма.

Функционализм и постмодернизм

Феномен постмодернизма в литературе принято объяснять одновременно двумя в сущности противоположными способами, как трансформацию структурализма и как результат внешнего влияния, искусственного переноса новейших к тому времени идей в философии и литературной критике [Купер 1993 : 3; Шандыбин 1998 : 14]. Последнее утверждение может быть верно только в отношении самого термина, ибо данное нап-

равление как таковое сложилось внутри этнографии, будучи логическим завершением последовательного применения функционального метода. Еще до появления в науке моды на постмодернизм проблема идеальной формулы «написания этнографии» еще в 1957 г. была поставлена видной австралийской исследовательницей Филлис Каберри именно с точки зрения вклада Малиновского в создание методов полевой этнографической работы [Kaberry 1980 : 71—90].

Что касается первого утверждения, о структурализме правильнее было бы говорить не как о предтече, а как о форме постмодернизма, учитывая очень широкую амплитуду понимания этого слова. Фигура Леви-Стросса столь загадочна лишь по той причине, что в своих работах он действительно выступает, скорее, в роли «философа» или «литератора». Леви-Стросс использует метод Малиновского при описании чужих теорий в манере «романтического субъективизма». При изучении собственных этнологических теорий Леви-Стросса мы натываемся на вопрос Эдмунда Лича: что является исходным пунктом выделения базовых оппозиций и откуда становится известно об отражении этими оппозициями фундаментальных особенностей человеческого мышления [Leach 1970 : 129]? Как бы отвечая на этот вопрос, Н. А. Бутинов писал: «Мы говорим об эмпирической реальности, которую Леви-Стросс недооценил, не охватил полностью, недостаточно глубоко изучил, многого не понял» [Бутинов 1983 : 465]. Общее в постмодернизме и структурализме — отношение к этнографической реальности, когда, по выражению Н. А. Бутинова, обобщение идет впереди сравнения.

Как ни странно, но истоки подобных взглядов лежат в теории полевой этнографической практики Малиновского и — главное — в его методе написания этнографических трудов. По замечанию Эдмунда Лича, школа Малиновского в этнографии отличается от этнографии старого стиля, основанной на сухом изложении фактов, живым изображением действительности [Leach 1980 : 119]. В одной из своих последних статей Эдмунд Лич выступил со следующим заявлением: «Этнографическая монография имеет больше общего с историческим романом, чем с каким бы то ни было научным трактатом... Когда Малиновский пишет о жителях Тробрианских островов, он пишет о себе, когда Эванс-Причард пишет о нуэрах, он пишет о себе. Любой другой подход превращает персонажей этногра-

фических трактатов в заводных кукол... Как авторы этнографы в первую очередь озабочены не истинностью фактов, они убеждают тем, как пишут» [Leach 1989 : 140—141]. В глазах А. Купера такое заявление тем более удивительно, что исходит от одного из наиболее выдающихся (читай: верных) учеников Малиновского [Купер 1993 : 3]. Однако если мы внимательнее вчитаемся в работы Малиновского, то увидим в нем непосредственного предшественника течения, много позже названного «постмодернизмом». Постмодернистские этнографические романы являются «плодами», по которым мы узнаем функционализм, имея в виду евангельское изречение, в котором Малиновский усматривал самую суть функционального подхода [Malinowski 1944 : 147].

Существует несколько признаков постмодернизма, указывающих на его функционалистское происхождение. Внешним отличительным признаком постмодернизма можно считать подчеркнутую образность названий монографических исследований по отдельным культурам. «Аргонавты» Малиновского несомненно являются первым в истории этнографии примером литературного подхода к научному описанию этнографической действительности. Само название книги является планом выражения такого способа описания, когда культура как бы развертывается из элемента, взятого (в той или иной степени произвольно) в качестве ее основного символа. У Малиновского в качестве символа традиционной культуры тробрианцев выступает кула — традиционный институт морских экспедиций за сокровищами. В предисловии к «Аргонавтам» Малиновский писал, что, хотя содержание книги сосредоточивается на ритуальном обмене ценностями, в ней делаются постоянные ссылки на социальную организацию, магию, мифологию, фольклор и все прочие аспекты [Malinowski 1922 : 16]. Конечно, речь пока идет только о том, как реализовать функционалистский принцип описания культуры как единого целого. Однако этот аспект функционального метода *in spe* содержит в себе в качестве его второго отличительного признака одну из основных идей постмодернизма, согласно которой этнографическая реальность есть не более чем совокупность относительно самостоятельных фрагментов: «...связность и целостность — это либо видимость, искусственный продукт описания, либо результат действия каких-то конкретных сил, т. е. опять же является искусственным продуктом» [Шандыбин 1998 : 15].

Культура может предстать как единое целое только в воссозданном в мышлении виде, следовательно, как некая *структура*. Собственно это Малиновский и имел в виду: носитель культуры, в том числе европейской, не в состоянии представить свою культуру во всем ее объеме, т. е. *сделать* ее для себя обозримой или выразить ее в абстрактных понятиях, именно потому, что находится внутри нее. Это задача внешнего наблюдателя, вооруженного профессиональным опытом отражения объективной внутренней непрерывности культурного пространства [Malinowski 1922 : 11, 12]. В этом состоит сущность функционализма как метода полевой этнографии.

Элементарная структура этнографического описания совпадает с общими представлениями о морфологии традиционной культуры, ее делении на отделы материальной, социальной и духовной культуры, каждый из которых может делиться на более мелкие разделы. Разумеется, при таком подходе единство исследуемой культуры обосновывается только внешне, единством события описания или единством пространства описания (место—время—авторство). Функционализм предлагает иную процедуру описания, связанную с выбором главного элемента, который должен служить символом всей культуры. Преимущество этого метода заключается в единообразии (единстве языка) описания многообразных по своим качествам явлений. Здесь символ — это своего рода призма, сквозь которую рассматривается «сверху донизу» вся культура. Однако зависимость продукта описания от места, времени и авторства сохраняется, а может быть, даже усиливается. Выбор символа сугубо субъективен, поскольку обращаться к теории функционализма запрещает. Перефразируя Гирца, этнография превращается в игру символов культуры исследователя [Geertz 1988 : 2].

Постмодернисты делают следующий шаг: из субъективной трудности задачи описания культуры как единого целого делается вывод, что сама реальность — это хаотическое множество явлений. Некоторые основания для этого вывода существуют. Например, в большинстве случаев для описания обряда исследователь должен находиться одновременно в разных точках пространства. Это можно назвать естественным «деконструктивизмом» полевого исследования. Таким образом, фрагментарность полевых записей расценивается постмодернизмом как фрагментарность описываемой реальности.

«Деструктивизм» условий полевого исследования преодолевается «конструктивизмом» исследователя. Это третий признак постмодернизма. Из него вытекает четвертый признак — отказ от объективности и научности в пользу «литературного» подхода [Шандыбин 1998 : 15]. Отсюда возникает в сущности риторический вопрос, является ли антропология искусством или наукой [Carrithers 1990 : 263—282]. Однако постмодернизм появляется вовсе не из непреодолимой тяги к «писательству». С известной точки зрения на всем протяжении истории этнографии так или иначе происходила борьба между двумя тенденциями — позитивизмом и постмодернизмом [Соколовский 1993 : 5].

Беллетризация науки — одно из самых распространенных обвинений в адрес постмодернизма. Как ни странно, она есть лишь следствие отсутствия вкуса к теоретическому мышлению. Яркий тому пример — труды Виктора Тёрнера [см.: Тёрнер 1983]. При чтении его работ на первый взгляд может показаться, что перед нами образчик предельно теоретизированного подхода. Однако по мере «привыкания» к его манере письма начинаешь понимать, что теоретические выкладки здесь выступают лишь в роли стиля описания эмпирического материала. При всей внешней «теоретичности» постмодернизма он характеризует американскую культурную антропологию сугубо эмпирической, описательной наукой, ограничивая ее компетенцию полевой этнографией. Это как раз то, к чему призывал Малиновский, и то, в чем состоит реальный вклад постмодернистских исследований. Какова бы ни была степень субъективности подобных исследований, они описывают реальность, следовательно, из них можно извлечь полезную информацию при критическом, т. е. аналитическом подходе.

Таким образом, корни постмодернистского течения гораздо глубже — в решении вопроса о соотношении теории и эмпирии. Во-первых, Малиновский писал о «взаимном оплодотворении» конструирующей деятельности и эмпирического наблюдения, причем в таком контексте, что определение «контуров», или «социальной конституции», является для него явно первичной задачей по отношению к изучению «конкретных манифестаций», или «примеров», следовательно, субъективно [Malinowski 1922 : 10, 11, 13, 18]. С этой точки зрения, постмодернизм — чтение стихов одновременно с их литературным анализом.

Во-вторых, в системе взглядов Малиновского результаты эмпирического наблюдения зависят от субъективного фактора, от того, насколько исследователь овладел *искусством* включенного наблюдения. При характеристике приема включенного наблюдения Малиновский невольно подчеркивает иррациональность методов полевой работы, не скупясь на метафоры и преувеличения вроде: «инициация в полевую работу», «найти секрет эффективной полевой работы», «этнографическая магия», позволяющая «вызвать подлинный дух туземцев», чтобы «создать верную картину племенной жизни» [Malinowski 1922 : 4, 6]. Наконец, метод включенного наблюдения он отождествляет со своим собственным опытом его применения, т. е. «пишет о себе», как выразился Эдмунд Лич.

Пятый признак постмодернизма — отказ проводить четкую границу между субъектом и объектом научного исследования [Шандыбин 1998 : 15]. Эта в сущности неокантианская концепция является «сплавом», с одной стороны, гиперболизации роли включенного наблюдения, с другой — не очень ясного понимания, в какой форме теоретическое конструирование («субъективное») и эмпирическое наблюдение («объективное») дополняют друг друга.

Таким образом, взглядам Малиновского свойственна антиномичность в том плане, что он постоянно нарушает границы, которые сам же устанавливает. В основном это происходит за счет того, что он постоянно путает вопросы *методики* с вопросами *методологии*, методы сбора материалов (фиксация отдельных наблюдений) и методы их систематизации (собственно описание собранных материалов). Проблему внутренней критики этнографических источников он смешивает с проблемой построения теоретических объектов исследования, проблему максимально полного описания фактов культуры, стоящую перед полевым исследователем, — с проблемой их интерпретации и т. п. Вероятно, поэтому в одном месте он отбрасывает теорию под именем «искусственных», или «формальных», схем [Malinowski 1932 : xxxii, xxxiii—xxxiv], чтобы в другом месте втащить ее обратно, но уже под другими именами. На одних страницах в связи с требованием научной достоверности полевых данных он говорит о необходимости провести четкую линию между результатами непосредственного наблюдения и собственными выводами, зависящими от истории формирования личности исследователя, на других — о необходимости

предварительной «научной тренировки ума» полевого исследователя [Malinowski 1922 : 3, 12]. Но как отделить собственный «здравый смысл» и свою «психологию» от навыков, приобретенных в рамках системы академического образования, тем более что результаты профессионального обучения зависят от условий складывания личности студента? Как бы отвечая на этот вопрос, Малиновский говорит о различии между «хорошей теоретической подготовкой» и «предвзятым мнением», но не указывает формальных признаков этого различия [Malinowski 1922 : 9].

В своей первой книге, написанной по чужим источникам, Малиновский занимал более взвешенную позицию, говоря о том, что необходимо тщательно *анализировать* (курсив наш. — П. Б.) утверждения даже профессиональных этнографов, чтобы иметь возможность отделять простые записи фактов или их обобщение от теоретических заключений, основанных на чисто гипотетических посылах [Malinowski 1913 : 13, 25]. Это путь сравнительно-аналитического метода, подразумевающего целостное описание культур (функционализм в широком смысле слова). Как показывает практика, «деструктивизм» индивидуального полевого исследования нейтрализуется непрерывностью общего исследовательского пространства. Этот путь ведет к понятию структуры.

Второй путь — отказ от сравнительно-аналитического метода (функционализм в узком смысле слова), который ведет к постмодернизму, т. е. попытке элиминировать противоречия функционального метода за счет избавления от самой реальности. В стремлении получить функциональный метод в совершенно чистом, свободном от субъективных «примесей», виде он фактически лишает этнографа права использовать чужие источники. С этой точки зрения то, что мы называем постмодернизмом, правильнее называть «постфункционализмом».

Проблема «поле—кабинет»

Проповедуя функциональный метод полевой работы, Малиновский в неявном виде ставит несколько действительно серьезных теоретических проблем, которые до сих пор управляют нашей наукой, выступая в роли ее интерпретаторов. Это проблема этнографического источника, проблема основного